

Битва на Немиге в художественном строе «Слова о полку Игореве»: к проблеме интерпретации средневековых произведений

УДК 94(47)«11/12»

Любовь ЛЕВШУН,
доктор филологических наук, доцент

Любовь ЛЕВШУН. Битва на Немиге в художественном строе «Слова о полку Игореве»: к проблеме интерпретации средневековых произведений. Анализ художественного строя и творческой манеры автора «Слова о полку Игореве», соотнесение сюжета этого произведения с историческим, творческо-художественным и собственно идейным контекстами той эпохи позволяют автору статьи выдвинуть и обосновать тезис о том, что описание битвы на Немиге в поэме представляет собой обобщенный образ столкновений киевских князей с войском Брячислава Изяславича Полоцкого на Судомири и с ратью Всеслава Брячиславича на Немиге.

Ключевые слова: художественный строй «Слова о полку Игореве», битва на Немиге, битва на Судомири.

Lyubov LEVSHUN. The Battle on the Nemiga River in the artistic composition of The Tale of Igor's Campaign: the problem of interpretation of medieval works. The analysis of the artistic composition and creative style of the author of The Tale of Igor's Campaign, the correlation of its plot with the historical, creative, artistic and ideological contexts of that era allow the author to put forward and substantiate the thesis that the description of the Battle on the Nemiga River in the poem is a generalized image of clashes of Kievan princes with the army of Bryachislav Iziaslavich of Polotsk on the Sudoma River and with the army of Vseslav Bryachislavich on the Nemiga River.

Keywords: Artistic composition of The Tale of Igor's Campaign, the Battle on the Nemiga River, the Battle on the Sudoma River.

Более двухсот лет «Слово о полку Игореве» является предметом скрупулезных исследований и дискуссий. Одно только перечисление имен тех, кто так или иначе касался в своих трудах этого удивительного произведения, займет несколько десятков страниц. Причем каждое поколение исследователей открывает для себя новые аспекты изучения «Слова», новые аналитические подходы и новые смыслы этой поэмы. Невозможно обстоятельно проанализировать все то, что посвящено «Слову», однако в известных нам исследованиях,

[ОБ АВТОРЕ]

ЛЕВШУН Любовь Викторовна.

Родилась в г. Витебске. Окончила Белорусский государственный университет (1988), аспирантуру Института мировой литературы имени А.М. Горького (Москва, 1991).

С 1991 года работала в Институте литературы имени Янки Купалы АН Беларуси (потом – Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси), в 2010–2012 годах возглавляла сектор истории белорусской литературы. С 2012 по 2018 год – заместитель директора по науке Центра семейного воспитания «Наше Городище». С 2018 года – профессор кафе-

дры стилистики английского языка Минского государственного лингвистического университета.

Доктор филологических наук (2012), доцент (2019).

Автор более 150 научных работ, в том числе учебного пособия, пяти монографических исследований, четырех коллективных работ, сборника древних текстов, изданных по рукописям, нескольких научно-просветительских изданий.

Сфера научных интересов: восточнославянская медиэвистика, теория и история восточнославянской средневековой книжности и культуры белорусских земель.

очевидно, никто не обратил еще внимания на одну, казалось бы, необъяснимую деталь в художественной структуре «Слова»: описание битвы на Немиге изображено почему-то в осеннем колорите: жатва, обмолот и озимый посев, хотя доподлинно известно, что эта битва произошла, согласно летописным данным, 3 марта, причем летописцы особо отметили: «зимѣ сущи велицѣ», т. е. было очень холодно и «бьяше снег велик» [1; 2]. Каким образом автор, весьма осведомленный обо всех событиях и личностях, изображенных в поэме, мог допустить такое вопиющее несоответствие? Мы имеем дело с неловкой редакторской правкой не дошедшего до нас аутентичного текста или с некой особенностью художественной структуры поэмы?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть этот фрагмент, соотнеся его с историческим, творческо-художественным и собственно идейным контекстами «Слова о полку Игореве».

Автор этой поэмы определенно ориентируется на христианскую агиоисториографию (букв. свято-историописание, в привычной терминологии – летопись, но особого типа. – *Авт.*). Основной ее принцип и вместе с тем предмет осмысления В.О. Ключевский некогда определил как «историческая теология», объяснив это определение так: «Научная задача историка, как ее теперь понимают, состоит в уяснении происхождения и развития человеческого общества. Летописца гораздо более занимает сам человек, его земная и особенно загробная жизнь. Его мысль обращена не к начальным, а к конечным причинам существующего и бывающего. Историк-прагматик изучает генезис и механизм людского общежития; летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни <...> историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути провидения» [3, с. 113–114], т. е. то, что Бог думает об историческом бытии в вечности. Отсюда, по мысли В.О. Ключевского, вытекают и задачи, которые ставит перед собой христианский агиоисториограф: определить место своей земли и своего народа, во-первых, в разворачивающейся божественной икономии (деятельности Бога в истории для спасения человечества. – *Авт.*); во-вторых – в истории других земель, а кроме того – дать возможность потомкам не только почитать славные дела предков и следовать им как примеру, но и молиться об их грехах. Последнее тонко подметил А.С. Пушкин в «Борисе Годунове», вложив в уста Пимена такую формулировку цели летописца: «Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу, / Своих царей великих поминают / За их труды, за славу, за добро – / А за грехи, за темные деянья / Спасителя смиренно умоляют...».

То, что «Слово о полку Игореве» подражает христианской агиоисториографии, доказывается тем, что его автор не просто эпически идеализирует мелкий в масштабах Киевской Руси факт бесславного и бессмысленного похода мало кому известного Новгород-Северского князя (по словам М.М. Бахтина, «Слово» – «это песнь о поражении», и его главный герой, радикально отличаясь от эпического героя, «ничего не сделал и не погиб» [4, с. 517, 518]), но и придает этому факту вид своего рода пророчества в глубокой исторической ретро- и перспективе, чтобы «ведали потомки православных».

При этом, в отличие от канонической агиоисториографии, характер поэтики «Слова» таков, что изображение исторического бытия в нем строго подчинено авторской концепции, которая художественно доказывается. Здесь мы имеем дело с историчностью и с художественностью особых типов: с одной стороны очевидно дидактическое намерение автора, но вместе с тем цель книжника – изложить события так, как требует авторская концепция истории, а не так, как они происходили в реальности. Историческая теология, таким образом, редуцируется в «Слове» до исторической дидактики, которой и подчинены все художественные средства.

Так, например, автор выстраивает в «Слове» сложнейшую, аллегорическую в своей основе, структуру времени и пространства: солнечное затмение начинается (вопреки реальности) в день начала похода и длится вплоть до возвращения Игоря из плена и изображается как аллегория умопомрачения князей «Ольгова хороброго гнезда»; изощренно «свиваются славы оба полы сего времени», а само время «наниче ся обратиша». И в этом уникальном хронотопе, отличающем художественный строй «Слова о полку Игореве», преследуя выразительные цели, автор объединяет в одно художественное пространство Тьмуторокань,

Нападение Брячислава на Новгород (справа) и последующее бегство в Полоцк (слева).

Радзивилловская летопись

Источник: <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=175#sel>.

Киев и Чернигов [5, с. 10], Сулу и Западную Двину [5, с. 13], Донец, Стугну и Днепр [5, с. 14]. Сопоставляются Нежатиная Нива, Каяла и Немига [5, с. 10, 11, 13].

Подобное же «поэтико-географическое» совмещение наблюдаем и в плаче Ярославны: в одном художественном пространстве оказываются реки Сейм, Дунай, Днепр, Дон и Каяла [5, с. 13].

Причем в этих художественных пространствах Каяла не конкретная река, а аллегория реки братоубийства и последующего раскаяния, чье название, вероятно, производится автором «Слова» от имени ветхозаветного Каина (1 Ин 3:12). Поэтому омывание ран водой Каялы, мертвой водой [6] – символическое действие: раны, телесные и духовные, заживут после раскаяния. В образное поле хронотопа Каялы вовлекаются персонификации-олицетворения девы Обиды, Карны и Жли, а также Лжи [5, с. 11], Дива [5, с. 12] – всего того, что нужно изжить Русской земле, чтобы вернуть утраченные усобицами «жирные времена». В результате историческая реальность в «Слове» целенаправленно редактируется в процессе образотворчества. Стремясь обосновать свою идею, автор свободно обращается не только с хронотопом, но и с историческими фактами. Так, поражение в ни чем не примечательном пограничном конфликте Новгород-Северского князя с «полем» («темный поход неизвестного князя», как охарактеризовал его Пушкин [7, с. 344]) изображается как национальное бедствие [5, с. 11]. Затмение солнца, случившееся на 9-й день Игорева похода, изображается как произошедшее в момент выступления войск. Чаемая Игорем Тмуторокань оказывается рядом с Доном и представляется как принадлежащая половцам, хотя во время Игорева похода Тмутороканью владела Византия [5, с. 9, 11]. В финале «Слова» Игорь из плена едет «къ святей Богородици Пирогощей» [5, с. 14], хотя на самом деле он сначала отправился в Чернигов. И т. д.

Однако все присутствующие в «Слове о полку Игореве» аллегории и инверсии объяснимы, если исходить из идейной задачи автора. К примеру, солнечное затмение отнесено к самому началу похода, чтобы читателю очевидно было помрачение Игоря [5, с. 9]; Святослав Киевский противопоставлен «хороброму», но «буему» «Ольгову гнезду» как чаемое автором единовластие – разрушительному самоволию и т. д.

Но есть в «Слове» одна инверсия, которую идейная задача автора не объясняет. Речь идет о фрагменте, посвященном Всеславу Полоцкому и знаменитой битве на Немиге. Согласно сюжету «Слова», Всеслав сначала «дочтется стружием злата стола киевскаго», потом бежал оттуда к «Новуграду», «разшибе славу Ярославу», после чего «скочи влъком до Немиги с Дудуток», где и произошла известная битва; после этого он, вопреки историческим фактам (заточение в Киевском пороубе с сыновьями), «людям судяше», «князем грады рядяше» и «рыскаше <...> до курь Тмутороканя» [5, с. 13].

Историческая последовательность этих событий была совершенно иной: Всеслав сначала (1067 г.) «отвори врата Новуграду» и, согласно летописям, «възя Новъгород, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софїѣ <...> и понекадила съима» (Новгородская первая летопись, 6574) [8, с. 2]; (Софийская первая летопись, 6575) [9, с. 141], потом «скочи влъком до Немиги», где 3 марта 1067 года потерпел поражение, а спустя три месяца был обманом захвачен в плен, и «въсадиша и' в порубѣ съ двѣма сынъкома» (Ипатьевская летопись, 1067) [1], где они провели более 14 месяцев. Освобожденный 15 сентября 1068 года восставшими новгородцами, Всеслав действительно «дотчеся стружиком злата стола киевскаго» («людье же высъкоша Всеслава ис поруба въ 15 день сентабра <...> Всеслав же съде в Кыевѣ» (Ипатьевская летопись, 1067) [1]), и в течение семи месяцев своего правления «людям судяше» и «князем грады рядяше». Потом, узнав, что Изяслав Ярославич возвращается с польским войском, «Всеславъ же поиде противу и приде к Бѣлугороду» (Ипатьевская летопись, 1069) [1]. Оценив силу польской дружины и не желая бессмысленного кровопролития, «Всеславъ бывшу ноци оутаиса Кыанъ, бѣжа из Бѣлугорода» в Полоцк (Ипатьевская летопись, 1069) [1]. В «Слове» – «скочи <...> отъ нихъ лютымь звѣремь въ плъночи изъ Бѣла-града» [5, с. 13] в Новгород.

Даже если принять конъектуру В. Татищева, доказывавшего, что под «Новугородом» в этом фрагменте «Слова» правильнее понимать не Новгород Великий, а Новаградок Литовский, построенный Ярославом Мудрым [10, с. 313], то и тогда данная сюжетная инверсия остается необъяснимой и как будто ошибочной. Так что приходится признать: либо автор «Слова» не совсем ориентировался в описываемых событиях более чем вековой давности, касающихся Всеслава Брячиславича, либо мы не проникаем в художественный замысел автора, побудивший его представить события, связанные с деятельностью князя Всеслава Полоцкого, именно в таком порядке.

Мы уже отмечали, что в образной системе «Слова» специфический хронотоп является одним из самых действенных средств выражения. Так, автор дает четкую периодизацию событий: 1) «Были вѣчи Трояни»;

Битва на Немиге 1067 года. Миниатюра Радзивилловской летописи

Источник: <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=203#sel>.

Веслав Брючиславич с сыновьями переправляется через Днепр (слева). Веслав с сыновьями в киевском порубе (справа). Миниатюра Радзивилловской летописи
 Источник: <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=203#sel>.

2) «минули лета Ярославля», с которым связаны «първыхъ времянь усобиць» [5, с. 9]; 3) «были плъци Ольговы», когда «съяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука»; 4) «а сицей рати (Игоря, Олегова внука. – *Авт.*) не слышано». В соответствии с этой периодизацией описываются битвы Олега Святославича, затем – обстоятельства и последствия Игоревой «сицей рати» [5, с. 10–11]. А потом повествователь возвращается «мыслию» ко временам «дедней славы», доказывая, что «насиліе отъ земли Половецкыйи» на Руси было следствием многочисленных распрей русских князей, которые «своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую» и прежде всего – «на жизнь Всеславлю» [5, с. 13]. Видимо, наследник Бояна полагал, что именно нарушенное Ярославичами крестоцелование Всеславу явилось началом описываемых в «Слове» княжих крамол.

И после этой своеобразной периодизации (как раскрытие данного тезиса и как своеобразная мораль?) читается повествование о Всеславе Полоцком, которое начинается словами: «На седьмом вѣце Трояни врѣже Всеслав жребий о девицу себе любу» [5, с. 13].

В хронологии «Слова» «вѣчи Трояни» – время до «лет Ярославлих», т. е. до правления Ярослава Мудрого, «напоследок языческихъ временъ» [11]. Следовательно, «на седьмом вѣце Трояни» вряд ли может быть отнесено к эпохе собственно Всеслава, в правление которого были построены Софийский собор, епископская резиденция в Сельце, велось активное храмостроительство в Полоцке. Сомнение в отождествлении «седьмого века Трояни» и эпохи Всеслава Брючиславича поддерживается также и характером всех последующих художественных образов этого фрагмента «Слова».

1. Всеслав вовсе не «скочи къ граду Киеву» [5, с. 13], а привезен туда насильно – пленником и узником: «Изяслав же приведе Всеслава Киеву и въсадиша ѿ в порубѣ съ двѣма сынѣкома» (Ипатьевская летопись, 1067) [1].

2. Фраза «дотчеса стружіемъ злата стола киевскаго» [5, с. 13] (по Д.С. Лихачеву, «добыв его не военной силой, а древком копья – как в столкновениях между своими») не соответствует Всеславовым обстоятельствам: узник поруба не мог сам «доткнуться

Поруб XI века. Из раскопа в Великом Новгороде около Десятинного монастыря

Источник: <https://www.ras.ru/archaeology/44282503-a4d3-4987-9a27-d4eabc45c04.aspx>.

стружием злата стола», но «людье же высъкоша Всеслава ис поруба <...> и поставиша ѿ средь двора кнѣжа»; да и «столкновения между своими» не было, поскольку «Изяслав же бѣжа в Лахы» (Ипатьевская летопись, 1068) [1].

3. Выражение «скочи... лютым зверем» [5, с. 13] ни по семантике, ни по эмотивному заряду никак не может быть приравнено к летописному «оутаиса кыанъ, бѣжа из Бѣлагограда» (Ипатьевская летопись, 1069) [1]. Все указанные случаи подмены коннотаций и эмотивов не объясняются из сюжета и идеи «Слова», причем только в данном фрагменте!

4. Наконец, описание битвы на Немиге дано в неожиданно осеннем колорите: «на Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепа харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью рускихъ сыновъ» [5, с. 13], хотя известно, что битва произошла 3 марта. Причем это описание явно отзеркаливает описание битвы на Каяле, где «чръна земля подъ копыты костью была посѣяна, а кровю польяна; тугою въздоша по Руской земли!» [5, с. 10], хотя в последнем случае ассоциации связаны не с осенними, а весенними работами в полном соответствии тому, что поход Игоря на половцев состоялся весной 1185 года.

Все эти несоответствия в изображении деяний Всеслава Полоцкого принуждают искать некоего объяснения. Возможно, автор умышленно отождествил Всеслава с неким полоцким князем, действительно жившим «на седьмом вѣце Трояни», когда эпоха языческих верований подходила к концу. И этим «двойником» может быть либо Всеславов дед – Изяслав Владимирович, либо отец – Брячислав Изяславич.

Однако о жизни и деяниях Изяслава Владимировича чрезвычайно мало данных; а о его битвах с кем-либо и вовсе ничего не известно, ибо, согласно характеристике Никоновской летописи, «бысть же сий князь тихъ и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ, и любя зѣло и почитая священнический чинъ и иноческий, и прилежаще прочитанию божественныхъ писаний, и отвращаяся отъ суетныхъ глумлений, и слезень, и умилень, и долготрѣпльивъ» (Никоновская летопись, 6511) [12]. К тому же Изяслав, согласно лествичному праву наследования, являлся бесспорным претендентом на Киевский стол по смерти Владимира Крестителя.

Следовательно, речь может идти о некоей значимой битве Брячислава Изяславича. В последнем случае придется допустить, что автор «Слова», солидаризируясь с повествованием «Эймундовой саги», считал реальным факт пребывания Брячислава на Киевском престоле в качестве соправителя Ярослава Владимировича.

И действительно, если соотнести повествование «Слова» о деяниях Всеслава Полоцкого с событиями 1019–1021 годов, в связи с которыми собственно и появляется на страницах летописей его отец Брячислав, то все отмеченные несоответствия получают довольно вразумительное объяснение. Нужно лишь связать несколько тезисов.

Смерть Владимира Крестителя в образной системе «Слова» можно отнести к концу «седьмого века Трояня», когда на Руси завершается активное противостояние язычества и христианства [11]. Поскольку «к началу междоусобной войны, охватившей Русь после смерти киевского князя Владимира Святославича (1015), Брячислав признавался одним из сильнейших князей Руси» [13], не исключено, что Ярослав Владимирович обратился именно к полочанам за помощью в своей борьбе со Святополком Окаянным. (Значимо то, что образ Святополка в древнерусских летописях подается как своего рода олицетворение языческого «окаянства».) В качестве оплаты за военную помощь Брячислава («клюками подпрѣся о кони» [5, с. 13]) Ярослав, вероятно, «целовал крест», обещая сделать племянника своим соправителем. Поэтому после поражения Святополка Брячислав «врѣже жребий о девицу себе любу» – т. е. веря в крестоцеловние и обещанный дуумвират на Киевском столе, «скочи къ граду Киеву и дотчеса стружием злата стола киевскаго». И из летописей действительно известно, что в 1018–1019 годах Ярослав находился, в основном, в своем отчинном Новгороде. Вместе с тем известно и о наличии в Киеве «двора Брячиславля» (Ипатьевская летопись, 1068) [1] – резиденции князя Брячислава, созданной, видимо, в годы его пребывания там.

Всеслав бежит из Белгорода в Полоцк.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Источник: <http://radzivilovskaya-letopis.ru/index.php?id=203#sel>.

Однако Ярослав вскоре (после 1019 года), вопреки договоренности с племянником, нарушил свое крестоцелование и велел ему покинуть Киев. Так что тому действительно пришлось срочно покинуть столицу, а потом и «скачати лютым зверем въ полночи изъ Белаграда». В отместку за такое вероломство в 1021 году Брячислав – возможно, как раз осенью – «отвори врата Новуграду», «зая Новъгородъ и поимъ новгородцѣ и имънье ихъ» (Ипатьевская летопись, Лаврентьевская летопись 6529/1021) [1; 2], тем самым «расшибе славу Ярославу» – победителю Святополка Окаянного. А из ограбленного Новгорода полоцкий князь действительно «скачи влъком», схватившим добычу, но не на Немигу, а на Судомир (Судому). Там и нагнал его Ярослав. И, возможно, именно во время битвы на Судомири «кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посьяни, посьяни костми рускихъ сыновъ» [5, с. 13]. Летописи сообщают: «и победи Ярославъ Брячислава» (Ипатьевская летопись, Лаврентьевская летопись 6529/1021) [1; 2]. Но «победа» эта была, по-видимому, Пиррова, поскольку «побежденный» Брячислав получает от Ярослава города Витебск и Усвят –

важные стратегические пункты на торговом пути «из варяг в греки». Более того, Ярослав просит Брячислава: «Буди же со мною за один» (Софийская первая летопись) [9, с. 123], а летописец добавляет: «И въеваша Брячислав с великим князем съ Ярославом вся дня живота своего» (Софийская первая летопись) [9, с. 123], т. е. на стороне Ярослава и вместе с ним [14, с. 453]: в 1023 и 1024 годах Брячислав поддержал великого киевского князя в его борьбе с Мстиславом Тмутороканским, а в 1040 году участвовал в походах Ярослава против «литвы».

Возвращаясь к битве на Немиге, отметим еще одну параллель с битвой на Судомири: поражение Всеслава на Немиге также вызывает некоторые сомнения. Если Ярославичи действительно победили, то зачем им было вызывать полоцкого князя на встречу и, нарушив крестное целование, заточать? А после нескорого возвращения Всеслава в Полоцк киевский князь, словно чувствуя свою вину, ищет с ним союза. И союз этот оформился, по всей вероятности, матримониальным образом: из летописей узнаем, что киевский князь «Изяславъ сватилса со Всеславомъ» (Лаврентьевская летопись, Новгородская первая летопись, 1073) [2; 9]. Конечно, «сватилса» может быть ошибкой переписчика, передавшего так «съветилса» или «съветовался», т. е. «составлял заговор» (в чем, собственно, и обвинили брата Святослав и Всеволод Ярославичи, согнав Изяслава с Киевского стола). Однако если учесть, что в те времена договоры между правителями часто скреплялись браками их детей, то и «сватилса», и «съветовался» можно воспринимать как ситуативные синонимы. Возможно, в качестве вена Изяслав отдал полоцкому зятю (скорее всего, Борису Всеславичу) свои права на дань со Смоленска. Известно, что по завещанию Ярослава Мудрого управление Смоленской землей перешло его пятому сыну Вячеславу; по смерти Вячеслава старшие братья перевели туда Игоря Ярославича. А когда и Игорь умер в 1060 году, Ярославичи поделили дань со Смоленской земли между собой. Отдав дочь за князя из полоцкого дома, Изяслав в качестве приданого вполне мог отдать свою часть Смоленщины, примыкавшую к Полоцкой земле, и тем удовлетворить территориальные претензии свата. Так что итог битвы на Немиге – очевидная параллель с результатом битвы на Судомири, когда «побежденный» Брячислав и получил от Ярослава Витебск и Усвят.

Возвращаясь к тексту «Слова», нельзя не обратить внимания также и на тот факт, что этимологии названий рек, на которых произошли упомянутые битвы, в художественном строе поэмы далеко неравнозначны: Немига (от балтского *nemiga* – ‘бессонница’, ‘бодрствование’) контекстуально имеет нейтральную коннотацию, славянское же Судомир (‘судящий мир’ или ‘суд миру’) семантически созвучно Каяле (‘место, где принуждают к покаянию через суд и осуждение’, или, по мысли Б. Гаспарова, «символическая граница, отделяющая живых от мертвых» [6]). Исход всех трех битв, произошедших в результате княжих «крамол», – на Судомири, Немиге и Каяле – принудил к раскаянию их инициаторов: Ярослава Мудрого в первом случае, братьев Ярославичей во втором и Игоря Святославича в третьем.

То, что наше допущение об отождествлении в «Слове» двух полоцких князей, отца и сына, в образе Всеслава Брючиславича имеет право на существование, подтверждается и еще одним совпадением из биографий этих правителей. «Грады», которые полоцкий князь «княземъ рядяше» [5, с. 13], – это не только свидетельство административной деятельности Всеслава на Киевском столе в течение семи с половиной месяцев правления, но и указание на подобные мероприятия Брючислава после захвата Новгорода. Сначала Брючислав, согласно сообщению Яна Длугоша, «обратив в свою власть и послушание всё Новгородское княжество, расставил там префектов» [15], а потом, получив от Ярослава после «поражения» на Судомири Витебск и Усвят за обещание «быти с ним заедин», сделал административные распоряжения во вновь полученных землях.

Вместе с тем отмеченное в «Слове» «дорискивание до кур Тмутороканя» может означать как некие разведывательные операции Брючислава Полоцкого в стане Мстислава Владимировича в начале 20-х годов XI века, так и указание на организованный Всеславом удачный поход на Таманский полуостров [16, с. 97].

Остается главный вопрос: если автор (или позднейший редактор-цензор) «Слова» сознательно отождествил двух полоцких князей, то для чего это было сделано в произведении «исключительно высоко развитого, даже изощренного, своего рода уже и «избыточного» искусства слова» [17, с. 179]?

Общим местом в современной медиевистике является положение о том, что «Слова о полку Игореве» осуждает «котóры» (распри) русских князей, приведшие к «насилию от земли Половецкыи»: «усобица княземъ на поганья погыбе, рекоста бо брать брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, и сами на себъ крамолу ковати, а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую» [5, с. 11]. Так, «нынешний» великий киевский князь Святослав захватил главный стол Руси, используя межкняжеские раздоры и наведение на Русь поганых. Правда, автор «Слова» об этом умалчивает, следуя своему творческому заданию, но современники не могли об этом не знать.

В эпоху «полков Ольговых» Олег Святославич, прозванный за это Гориславичем, «мечем крамолу коваше» за свою «обиду <...> храбра и млада князя» [5, с. 10], обойденного, как ему представлялось, в праве наследования «злата стола Киевского».

А «лета Ярославли» начались с ожесточенной борьбы за Киевский стол между Владимировичами – Святотополком Окаянным, Ярославом Мудрым, Мстиславом Храбрым (князем Тмутороканским) и Брючиславом Полоцким (о последнем автор «Слова» почему-то умалчивает), а закончились напряженным триумвиратом Ярославичей и их противостоянием с Всеславом Полоцким.

Автор «Слова» выстраивает свою поэму как художественную апологию долга перед Русской землей и княжеской чести. Горестно-укоризненное восклицание «рекоста бо брать брату „се мое, а то мое же“. И начяша князи про малое „се великое“ мльвити» указывает читателям именно на то, что русские князья подменили понятия и стали считать «великим» возможность личной власти и бесчестного обогащения, забывая про действительно великое – собственную честь, цельность Русской земли и порядок в ней: «Нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте» [5, с. 12], – обращается к Игорю и Всеволоду Святослав Киевский. И вся эта цепь княжеских крамол («начяша кнѣззи сами на себъ крамолу ковати») привела к неутешительным результатам: «поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую» [5, с. 11].

В свете этого небезосновательным будет предположить, что отождествление Брячислава и Всеслава Полоцких в «Слове» есть своего рода прием лаконизации повествования. Поскольку оба князя – и в историческом плане, и с точки зрения проводимой автором апологии чести и долга – имеют схожие черты, то есть ли смысл четко различать в художественном произведении весьма похожие «първых времен усобице» [5, с. 9], от которых «стонати Руской земли, помянувшє пръвую годину и пръвыхъ князей!» [5, с. 13].

Таким образом, в субъективно-авторском изложении исторических событий XI века в «Слове о полку Игореве» «обиды» Брячислава и Всеслава Полоцких представлены как результат княжеских крамол, возникших из-за того, что частные интересы были предпочтены единству Руси, за что каждого из князей постигла своя «Каяла»: Ярослава Мудрого – Судомирь (Судома), Ярославичей – Немига, Изяслава Ярославича – Нежатица Нива.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Изд. 2-е. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. – Т. 2. – 638 с.
2. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей: в 10 т. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. – Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – 269 с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский; под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1: Курс русской истории. – 430 с.
4. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
5. Слово о полку Игореве (текст) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Рос. акад. наук; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. – С. 9–14.
6. Бобров, А.Г. Каяла [Электронный ресурс] / А.Г. Бобров // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Рос. акад. наук; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 5. Слово Даниила Заточника–Я. – 1995. – 399 с. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/>. – Дата доступа: 12.01.2023.
7. Пушкин, А.С. Песнь о полку Игореве / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 7. Критика и публицистика. – С. 343–349.
8. Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1841. – Том III: Новгородские летописи. – 308 с.
9. Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. – Изд. 2-е. – Вып. 1. – Л.: Изд-во РАН, 1925. – Том V. – 240 с.
10. Татищев В. История российская. – Т. 2. – М.;Л.: Наука, 1962. – 688 с.
11. Соколова, Л.В. Троян в «Слове» [Электронный ресурс] / Л.В. Соколова // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 5. Слово Даниила Заточника – Я. – 1995. – 399 с. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/>. – Дата доступа: 12.01.2023.
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршию или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. – Том IX. – 256 с.
13. Карпов, А.Ю. Брячислав Изяславич [Электронный ресурс] / А.Ю. Карпов // Образовательный портал «Слово». – Режим доступа: <https://portal-slovo.ru/history/39093.php>. – Дата доступа: 14.01.2023.
14. Забелин, И.Е. История русской жизни с древнейших времен: в 2 ч. / Сочинение Ивана Забелина. – М.: Типография Грачева и К°, 1879. – Ч. 2. – 520 с.
15. Длугош, Я. Анналы или хроники славного королевства Польши под 1011 г. [Электронный ресурс] / Я. Длугош // Библиотека древних рукописей. – Режим доступа: http://www.drevlit.ru/texts/d/dlugos_text8.php. – Дата доступа: 14.12.2022.
16. Загорюльский, Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э.М. Загорюльский. – Минск: Четыре четверти, 2014. – 529 с.
17. Кожин, В.В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд / В.В. Кожин. – М.: Фирма «Чарли»: Московский учебник – 2000, 1997. – 525 с.